

ЛИДИЯ МАКСИМОВИЧ
ПАОЛО РОДАРИ

ДЕВОЧКА,
НЕ УМЕВШАЯ
НЕНАВИДЕТЬ

МОЕ ДЕТСТВО В ЛАГЕРЕ
СМЕРТИ ОСВЕНЦИМ

**Лидия Максимович
Паоло Родари
Девочка, не умевшая
ненавидеть. Мое детство
в лагере смерти Освенцим
Серия «Феникс. Истории
сильных духом»**

*текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455840
Девочка, не умевшая ненавидеть. Мое детство в лагере смерти
Освенцим: Эксмо; М; 2023
ISBN 978-5-04-177133-1*

Аннотация

Мама пробиралась по ночам в детский барак и заставляла меня повторять: меня зовут Люда, мне пять лет, я дочь белорусских партизан, меня увезли в Биркенау. Она хотела, чтобы я помнила свою историю.

В мае 2021 года мир облетела фотография: папа римский Франциск склонил голову перед пережившей холокост женщиной и поцеловал татуировку с лагерным номером на ее руке. Этой женщиной была 81-летняя Лидия Максимович, белорусская

узница Биркенау – самого страшного освенцимского лагеря смерти. Ее семья, ушедшая в партизаны, попала в лагерь, когда ей было всего три года. Белорусские леса стали последним светом, который Лидия видела, прежде чем сойти в лагерный мрак. Маленькой девочке предстоит пережить не только разлуку с матерью, голод и ужас близкой смерти, но и бесчеловечные эксперименты Йозефа Менгеле...

Она вышла оттуда в январе 1945 года, за руку с польской женщиной, решившей удочерить одну из «сироток», замерзавших в усеянном трупами лагере. Лидия осталась у приемной матери, но не забывала свою настоящую мать, не переставала ее искать всю жизнь – и нашла в Советском Союзе много лет спустя. Ее невероятная история показывает: выжить в нечеловеческих условиях можно, только пронеся в сердце любовь к своей семье и веря в то, что добро обязательно победит.

В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

Содержание

Обращения	7
1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Лидия Максимович,
Паоло Родари
Девочка, не умеющая
ненавидеть. Мое детство
в лагере смерти Освенцим**

© Егорова О. И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

Эта книга посвящена детям, которые не получили от судьбы счастливой возможности выжить в аду Биркенау, и обеим моим мамам, которым я обязана жизнью.

Обращения

Обращение Лилианы Сегре¹

История Лидии – маленький осколок вселенной концлагеря, проклятого Биркенау. Все, что здесь рассказано, – партия в кости со смертью. А по сути – это самая неопиcуемая из трагедий XX века. Нулевой год цивилизации.

Почему мы все еще об этом говорим? Это наш долг. Наш долг перед памятью. Ныне и присно, как мантра третьего тысячелетия. Ключевое слово – память, особая категория. Если будем ее тренировать, то сможем поддерживать демократию в добром здравии. Если же забудем, то нас станет подстерегать опасность нетерпимости и насилия.

Но как привиться от этого «одиозного вируса»?

Изучая историю и применяя Закон, который определяет все на свете.

А тем юношам и девушкам, что перелистают эти страницы, я желаю прекрасного будущего, не омраченного тенью прошлого. Тенью того времени, которое никогда не пройдет для тех, кто, как я, все еще чувствует себя утонувшей в нем

¹ Лилиана Сегре (род. 1930) – бывшая узница Освенцима, видная общественная и политическая деятельница Италии, пожизненный сенатор Италии. (Здесь и далее – прим. пер.)

и спасенной.

Обращение Сами Модiano²

Встреча с Лидией меня очень взволновала, и я не смог удержаться, чтобы не обнять ее!

Ее история, как и моя, – это история одиночества и того страшного опыта, которого набирались дети, оторванные от матерей, в течение трех лет незнания, что с ними будет завтра!

В этом горьком опыте у нас много общего. Именно упорное желание не сдаваться помогало нам преодолевать все препятствия.

Рана не затянулась, но, как Лидия через много лет разыскала свою мать и рассказала о своей драме, так и я нашел человека, который излечил меня и всегда был рядом, мою жену Сельму. Книга Лидии должна стать жизненным примером: нам нужны сила, мужество, упорная вера в добро, в любовь к ближнему. И больше никаких войн!

Я молчал много лет, но теперь, как и она, решил заговорить, поведать о своем опыте и оставить свое послание: «Не позволю! Ни за что!»

² Самуэль (Сами) Модiano (род. 1930) – бывший узник Освенцима, автор книг о холокосте в Италии.

1

Я помню все короткими эпизодами. Словно вспышки молний мечутся в темноте в ночи, далекой-далекой и в то же время такой близкой, словно все было вчера. Десятки лет они сопровождали меня, с тех самых пор, как нас с мамой привезли в лагерь смерти.

Мне было три года. Маме двадцать два.

Когда мы сошли на железнодорожные пути в Биркенау³, она взяла меня на руки. Стоял декабрь 1943 года. Было очень холодно. Хлестал ветер, с неба сыпалась ледяная крупа. Вокруг – сплошное разорение и опустошение. Я смотрела на рыжевато-коричневый вагон, в котором мы, стиснутые, как сельди в бочке, тряслись много дней подряд. Ноги онемели и ничего не чувствовали, и время от времени возникало ощущение, что мы вот-вот задохнемся насмерть. Нас мучило желание поскорее вырваться отсюда. Всего какой-нибудь миг тому назад я хотела только выйти из вагона и глотнуть свежего воздуха. А теперь, наоборот, хотелось обратно в вагон. Вернуться обратно. Вернуться домой.

Помню, что меня кто-то крепко обнял. Мама закрыла мне лицо. А может, это я пытаюсь зарыться лицом ей в грудь, сильно похудевшую за долгие дни бесконечного пути. Поезд то ускорял, то замедлял ход, и мы надолго останавливались

³ Биркенау – один из концлагерей комплекса Освенцим, или Аушвиц, как принято его называть на Западе. Комплекс располагался неподалеку от Кракова, близ города Освенцим, и состоял из трех лагерей: Аушвиц, Аушвиц-1 и Биркенау. Биркенау был лагерем смерти.

в каких-то незнакомых полях.

Немецкие солдаты построили вновь прибывших в две шеренги. За нами, в нескольких десятках метров, другие солдаты следили за нами с высокой кирпичной башни. Мы с мамой оказались в правой шеренге. В левую попали те, кого отобрали по возрасту и сочли более слабыми и хрупкими. По некоторым признакам можно было догадаться, чем все это кончится. Но никто ничего не сказал, все покорно подчинились. На то, чтобы протестовать, не хватало ни сил, ни энергии.

И я, и мама, и все, кто сошел с поезда, ужасно воняли. Но этот запах был единственным родным для нас в чужом мире. Куда нас привезли? Никто ничего не говорил, не объяснял. Мы здесь – и баста.

Этот собачий лай забыть невозможно. До сих пор, когда я слышу, как где-то залаяла собака, я сразу возвращаюсь на перрон, повисший между снегом и ветром, где перекрикивались на незнакомом языке солдаты. Эсэсовцы – я быстро запомнила, как они называются – часто приходят ко мне во сне, и сны кажутся реальностью. Они будят меня среди ночи, и я просыпаюсь вся в поту, испуганная и дрожащая. Они орут, но я не понимаю ни слова. А потом слышу плевки, презрительные смешки и вижу полные ненависти взгляды.

Собак держат на поводках. Они исходят пеной, а немцы раззадоривают их, подхлестывая плетками. Солдаты развлекаются, натравливая их на нас, а псы скалят зубы и встают

на задние лапы, не понимая, что добыча, которую они видят перед собой, уже покорила. Она уже мертва.

Маму силой оторвали от меня. И других детей от других матерей тоже. Послышались крики и плач. Ее куда-то увели, и я не знаю куда. Но скоро она вернулась, обритая наголо и совершенно голая. И без шляпы. Она опять обняла меня и улыбнулась. Я хорошо запомнила ее улыбку, она словно говорила мне: «Успокойся, все в порядке».

– А где твои косы? – спросила я.

Она ничего не ответила.

– А бабушка с дедушкой? Куда они делись?

Но она опять промолчала.

Мы вгляделись в глубь лагеря. Из двух труб валил черный дым. Потом я узнаю, что это трубы двух печей крематория. Черная сажа заволокла небо. Рассказывали, что эта сажа закупоривала легкие польских крестьян на многие километры в округе, по ту сторону Освенцима, по ту сторону Вислы. Пахло паленым мясом. Пахло смертью. Мы ничего не сказали друг другу. Никто ничего не сказал. Поляки только вздыхали: реагировать иначе они не могли. И мы, и они все поняли. Бабушки и дедушки больше не было на свете.

За печами крематория виднелась колючая проволока под током, за ней голые ветви облетевших деревьев. А дальше – просека, ведущая неизвестно куда. Как бы я хотела оказаться там и бежать навстречу свободе, далеко-далеко, пока хватит сил. Ведь свобода так близка... и так недостижима. Всего в

нескольких метрах, но даже приблизиться к ней невозможно. Мне рассказывали, что кто-то попытался убежать, но одного из них сразу убило током, а остальных застрелили на первых шагах побега.

* * *

Сегодня мне трудно восстановить в памяти все, что со мной произошло. На девятом десятке я уже не могу точно сказать, что те вспышки, которые, как острые лезвия, распарывают мою память, действительно эпизоды, пережитые мной, или я запомнила их из рассказов друзей, таких же выживших, как я, но на несколько лет старше. Единственное, в чем я уверена, так это в том, что я там была. Мои воспоминания и рассказы других выживших перемешались и срослись. И разобраться, где мое, а где чужое, я не в состоянии. Но с этим я ничего не могу поделать: так уж получилось.

Я попала в лагерь, когда мне было три года. А вышла уже пяти лет от роду, почти шести. Окружавшие меня девочки дольше меня были в лагере, и получается, что я – самая младшая из выживших, из тех, кому удалось спастись. Иногда я спрашиваю себя: а не слишком ли я была мала, чтобы что-то теперь рассказать? Трудно ответить на этот вопрос. Конечно, тринадцать месяцев, проведенных в Биркенау, оставят глубокий след в любом возрасте. Эти дни, месяцы, годы стали душевной болью, которая не оставляет меня, и думаю,

не оставит до конца моих дней. Более того, тот факт, что я не могу вспомнить события во всех подробностях, только увеличивает душевную боль и тяжким грузом давит на меня. Конечно, не во всех беззакониях и издевательствах, которым меня подвергали, я отдавала себе отчет. Но они живут во мне, в моем подсознании. Они – мои попутчики. Они виснут на мне, мешая идти, но они существуют. Они влияют на все в моей жизни: на каждый мой день, на тишину, на улыбки, возникающие на смену минутам печали. Биркенау не умирает. Для всех, кто через него прошел, он становится неотъемлемой частью. Это чудовище, которое не умолкает и без конца пересказывает свое невероятное прошлое.

В этом я себе отдала отчет уже потом, на многочисленных встречах, куда меня приглашали как свидетеля событий. С этими воспоминаниями я ездила по миру. И каждый раз ловила себя на том, что в памяти всплывают вещи, о которых я раньше не рассказывала. Подробности, погребенные в сознании, вдруг выныривают и обрастают деталями, удивляя прежде всего меня самое, потом мою семью и тех, кто любит меня: «Ты же об этом никогда не рассказывала!». Не рассказывала, верно. Это сидело у меня внутри, но только сейчас нашло дорогу, чтобы выйти наружу. Я действительно думаю, что причина в том, что в Биркенау я была совсем малышкой. Маленькие дети обычно накапливают информацию, порой ее прячут внутри себя, некоторые путаются в ней, но никто не забывает. Никогда. Взрослея, они снова ее переосмысли-

вают уже с позиций другого знания. То, что хранит наш мозг, не умирает. Приходит время, и все оживает, возвращается к жизни. И полное осознание всего, что с тобой происходило, приходит с прошествием лет, а иногда и десятилетий. Так бывает со всеми. Так было и со мной.

Что делали со мной в долгие месяцы заточения? Тело это пережило, мозг все отметил и накопил, а потом все зарыл глубоко-глубоко. Медленно, нехотя, год за годом, он выпускал накопленное на свободу, как море выкидывает на берег обломки затонувших кораблей.

Я часто думаю, каким был мой разум в то время. И сравниваю его с древним ледником на пути к освобождению. В Биркенау все было сковано холодом: и чувства, и слова, и эмоции. А потом, медленно-медленно, лед начал отступать, чтобы дать место иным временам года. Температура снаружи становилась все мягче. И все, что сначала было скрыто, теперь снова обретало свет.

* * *

Обязанность свести со всем этим счеты очень нелегка. Но это долг всей моей жизни. Тяжкий и неизбежный. Исполнить его могу только я сама. И конечно, прежде всего, для себя самой. Но и для других людей: для друзей и знакомых, для друзей моих друзей, для тех, с кем я незнакома, но кто входит в единую семью человечества. Мне хочется быть ясной

и высказывать все свои мысли до конца, до самой глубины. Тьму концлагерей невозможно сдать в архив раз и навсегда. Ненависть, вскормившая эти места, всегда подстерегает нас, готовая в любой момент вылезти наружу. Прежде всего, в нашей заботе нуждается память и рассказы о том, что происходило. Для чего мы сейчас вспоминаем зимы концлагерей, если не для того, чтобы человечество осознало свои темные стороны и приложило все усилия, чтобы не дать им снова проявиться, получить право голоса, право гражданства и наполниться энергией? Для чего вспоминаем Биркенау и другие лагеря смерти, если не для того, чтобы эта тьма никогда больше не смогла накрыть нас?

Сегодня в газетах я читаю о новом антисемитизме. Для тех, кто, как я, пережил лагерь, это кажется невозможным, но все же это существует и угрожает нам. Потому что для нас, прошедших через лагерь смерти, это события не давних лет, а вчерашние события, происшедшие несколько часов назад, это только что побежденный ад. Они здесь, за ближайшим поворотом, и мы едва успеваем свернуть на другую улицу. Однако вероятность снова ошибиться и свалиться в кювет существует всегда.

Какую же ошибку мы допустили, когда появились лагерь смерти? Нельзя было признавать законными слова бессмысленной, лишенной всякой логики вражды. И тогда, и сейчас. Мы возвращаемся к тому, что допускаем слова, отдающие ненавистью, раздором и разобщенностью. Когда я слышу их

из уст политиков, у меня перехватывает дыхание. Здесь, в моей Европе, в моем доме снова звучит эта жуть. И именно сейчас, в момент, когда нас снова может поглотить тьма. Мы не должны об этом забывать.

Моя мама отличалась удивительной красотой. Когда наш поезд вез нас в ад, у нее были длинные белокурые волосы, заплетенные в косы, и сильная, атлетическая фигура. Коренная белоруска, она гордилась своим восточнославянским происхождением. Не приемля никаких захватчиков, пошла в партизаны и в конце 1943 года была схвачена нацистами. Она и в лагере продолжала бороться и сопротивляться. Только в Биркенау ее стратегией стало молчание. В белорусских лесах она говорила, командовала, организовывала оборону. Там она всегда была активна, всегда в гуще событий. А в Биркенау она стала совсем другой. Она перестала разговаривать и изображала полное безразличие ко всему. Но прежде всего, научилась двигаться тихо и бесшумно.

От ее барака до моего было не больше пятидесяти метров. Я вдруг это поняла, когда не так давно приезжала посетить лагерь смерти. Два наших барака разделял третий. И время от времени мама с огромным риском пробиралась ко мне. На деревянной вышке стоял часовой с ружьем в руках. Он внимательно наблюдал за малейшим движением, и такая вылазка могла плохо кончиться для мамы. Если бы он увидел, как она почти ползком пробирается ко мне в барак, пуля или газовая камера были бы ей обеспечены. Но она все рав-

но рисковала. Нырляла в темноту и, прячась в траве и грязи, бесстрашно буквально ползла ко мне.

Из наших встреч лучше всего мне запомнилось, как мама меня обнимала. Принести мне еду было невозможно. Но время от времени ей удавалось пронести несколько луковиц. И я каждый раз съедала по кусочку, сначала из маминых рук, а потом одна, в темноте. Иногда у меня на зубах хрустел песок, а воды, чтобы помыть грязную луковицу, у нас не было. И я ее съедала такой, какая она была, не потеряв ни одного кусочка. Я ни с кем не делилась. Мною руководил один инстинкт: выжить. Может, я поступала дурно, но что было, то было. Другие дети вели себя точно так же. Таков уж животный инстинкт самосохранения, грубый и жестокий. Мы стали такими в Биркенау, и это нас объединяло.

Признаюсь, что я плохо помню, о чем мы говорили с мамой. Но ведь о чем-то наверняка говорили. В памяти всплывают отдельные фразы, и одна из них звучала примерно так: «Не носи мне только луковки, принеси твои руки, пусть они будут со мной ночью, когда темно и страшно».

Ночи в лагере были жуткие: я очень боялась темноты и того ощущения, что меня бросили, что я потерялась навсегда.

Мамины руки были грязные. И исхудалые. Когда она пробиралась ко мне, то цеплялась в темноте за пучки травы и часто попадала в грязь. Черные ногти в черной земле, политой дождем... Руки двигались ошупью, метр за метром, по одному метру зараз.

Удостоверившись, что ее никто не видит, мама выскальзывала из своего барака и осторожно шла к бараку детскому, где содержали нас, подопытных животных для экспериментов доктора Йозефа Менгеле. Она отыскивала меня на одной из деревянных нар, служивших нам кроватями. В каждом отсеке таких нар было три, они располагались одна над другой по прямоугольному периметру барака. И мы спали в три этажа, теснясь, как муравьи. Я довольно быстро поняла, что лучше занимать самую высокую полку, под потолком, чтобы на тебя не нагадили твои товарищи. Но занять верхнюю полку удавалось не всегда, бывало, что я оказывалась на средней, а иногда и на нижней, над самым полом. В такие ночи я понимала, что меня ждет: моча и вонючие какашки, падающие сверху. Все это я терпела молча. Жалобы и слезы могли истолковать как слабость, и тогда близкий конец был неминуем. В Биркенау надо было показывать, что ты сильный, решительный, но без наглости, и что ты живой.

Мама отыскивала меня, идя вдоль полок и шепча мое имя.

– Люда? – шептала она еле слышно.

Если никто не отзывался, шла дальше и снова шептала «Люда?»

Ей каждый раз приходилось меня разыскивать с риском для жизни. Только ради того, чтобы поддержать меня за руки и удостовериться, что я здесь. Что пока она была на принудительных работах, доктор Менгеле не забрал меня и не умертвил. Что я вернулась в барак живая. Слабая, но живая.

Конечно, хватало и дней отчаянья и ужаса. Таким стал день, когда она пробралась в барак и не нашла меня. На деревянных нарах меня не было. Она на четвереньках поползла по кирпичному полу, единственной роскоши, которой взрослым заключенным удалось добиться у эсэсовцев для нас, детей. Наш барак, как и все, не имел фундамента, но стоял хотя бы не на голой земле. Мама ползла мимо рисунков на серых сырых стенах, которые рисовали ребята из нашего барака. Меня нигде не было. Я исчезла. Потом ей сказали, что Менгеле меня забрал, и целый день меня не было. Она ушла в полном отчаянии и снова пробралась в барак на следующий день. И снова меня не нашла. На третий день она увидела меня на полке. Я лежала, вытянувшись, почти в коме, и тело у меня было прозрачное, словно стеклянное. Видно, Менгеле перестарался, и я только чудом не погибла.

Мама принялась гладить меня, ласкать и тормошить, чтобы привести в чувство. Но больше ничего сделать не могла. Однако я пришла в себя и выжила, несмотря ни на что. В дни смерти и отчаянья это было настоящее чудо жизни.

Тринадцать месяцев в Биркенау означали две холодные зимы и удушающе жаркое лето континентальной Европы. И весну, которая, несмотря на цветы, распустившиеся на лугах, окружавших лагерь и удобренных человеческим пеплом, не могла вселить никакой надежды. И наконец, осень с острым запахом смерти, возвращением холодов и полным отсутствием будущего.

Я никак не могла понять, откуда берутся мамины луковицы, хотя потом и начала догадываться. В Биркенау овощи не выращивали. Но мама была женщина молодая и здоровая, и ее каждый день увозили за пределы лагеря, за печи крематория, углублять русло реки. Узников в худшем, чем она, состоянии заставляли чинить плотины вдоль реки, чистить пруды, срезать камыш и тростник, росший вокруг. Из деревни Хармеже, неподалеку от лагеря, нацисты вывезли всех жителей, чтобы построить на этом месте фабрику, на которой выращивали бы кур на прокорм эсэсовцам. Некоторым узникам удавалось кое-что украсть. Но я думаю, что луковицы моей мамы имели другое происхождение: их приносили поляки из окрестных деревень. Ясное дело, она мне про это не говорила. Тайком отдавая мне добычу, она только коротко бросала: «Возьми». Я послушно их забирала и ни о чем не спрашивала. Постепенно, с ужесточением военных действий, она приходила – вернее, приползала – все реже. И ее тихий шепот в самое ухо, когда она старалась, чтобы никто ее не услышал, тоже раздавался все реже. Она все время по нескольку раз просила меня повторять, как меня зовут, сколько мне лет, откуда я попала в лагерь. Она хотела, чтобы я выучила все это наизусть, на случай, если ее не будет рядом. Чтобы я сама знала, кто я, откуда родом, чтобы не забывала мать, которая произвела меня на свет и качала меня на руках, целовала и очень любила. Чтобы я могла об этом рассказать всем, кто встретится мне в жизни. Меня зо-

вут Людмила, Люда для близких, мне пять лет, я родом из Белоруссии, из Витебской области, что граничит с Польшей. Я повторяла это до бесконечности, пока не вышла из лагеря. Мама обещала, что рано или поздно вызволит меня отсюда. Что скоро все кончится, и мы вернемся в наши родные леса, на нашу землю, в любимую деревню. Но дни шли за днями, и ничего не менялось. Раз за разом повторялась сцена, которую мы пережили: депортированных разделяли на две шеренги, и большинство из них шли умирать, а меньшинство оставались в живых. Тех, кто отважился протестовать, казнили на месте. Немцев мы считали просто животными. Всего лишь животными. Случалось, что они ставили нас напротив и заставляли раздеваться догола. Всех – и детей, и мужчин, и женщин. Они не догадывались, что нам не стыдно. Перед животными стыдиться нечего. И нам было все равно, голые мы или одетые.

Когда мама возвращалась в свой барак, я замыкалась в себе, как в скорлупе. Мой мир был соткан из тишины, и я быстро поняла, что это единственный способ ответить мучителям. Молчание – единственная возможность выжить. Никто мне ничего не объяснял, я понимала это инстинктивно. В лагере у меня не было ни учителей, ни друзей. У меня вообще ничего не было. Только я и инстинкт. Я молчала, когда по моим ногам бегала мышь в поисках еды. Когда мальчик, лежавший рядом со мной, вдруг захрипел в ночной тьме и умер. Когда меня кусали блохи и клещи. Когда приходили

эсэсовцы, чтобы забрать меня и увести к Менгеле. Чтобы не умереть, я старалась исчезнуть, растворившись в этом молчании. Я молчала даже перед мамой. Она изо всех сил пыталась казаться спокойной, но в глазах у нее светилось отчаяние. Но я не хотела показаться слабой даже перед этими глазами. Не хотела, чтобы она страдала из-за меня. Да и сама не хотела страдать.

Я не плакала, не кричала, ни о чем не просила. Я научилась подавлять все свои чувства. Они жили во мне, но не имели права ни на существование, ни на выражение. Тот, кто пережил тяжелую травму, либо поддается безумию, либо учится безразличию. Я выбрала второй путь. Все в мире проходило мимо меня, и, что бы ни происходило, я была обязана остаться в живых. Выжить и дождаться лучших времен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.